

Стратегия мультикультурализма: вызовы и противоречия

Л. В. Клепикова, С. Н. Климов

Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

sevell1@rambler.ru

Отмечается, что в условиях расширения глобализационных процессов и увеличения масштаба миграционных потоков стратегия мультикультурализма представлялась способом решения проблемы сосуществования различных общественных групп. Констатировано, что события последних десяти лет ярко высветили ряд противоречий социального и духовного характера, присущих стратегии мультикультурализма. Предпринята попытка выявить специфику устройства общества, сконструированного по принципу мультикультурности, и критерии, по которым определенная группа индивидов причисляется к той или иной культурной традиции.

Ключевые слова: мультикультурализм; культура; общество; государство; социальный «контейнер».

Strategy of Multiculturalism: Challenges and Contradictions

L. V. Klepikova, S. N. Klimov

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

sevell1@rambler.ru

The authors did mark the strategy of multiculturalism that appeared to be the way to resolve the problem of the different social groups' co-existence under conditions of the globalization processes expansion and the scaling-up of migration flows. However, they have stated that the events of the last ten years brought into sharp relief a number of the social and spiritual contradictions that the strategy of multiculturalism includes. The authors did try to study out how is built the social system constructed on the principle of multiculturalism, and by which criteria the certain group is attached to this or that cultural tradition.

Keywords: multiculturalism; culture; society; state; social "container".

Стратегия мультикультурализма является одной из самых обсуждаемых социально-политических тем на протяжении последних десятилетий и предметом бурных общественных и политических дебатов, приводящих к конфликтным ситуациям среди и ее сторонников, и ее противников.

Прежде чем обратиться непосредственно к самой этой стратегии, рассмотрим в общих чертах, что послужило причиной ее разработки.

В течение XIX и XX столетий интенсивно складывалась такая форма общественно-политического устройства, как национальное государство. Сконструированный на ее основе социум мыслится в категориях единого языка, единой территории проживания и единой культуры. Вследствие этого современное общество в рамках не только политического, но и научного дискурса начинает интерпретироваться как некий «контейнер», поскольку предполагается, что его

границы полностью совпадают с границами суверенного государства [1, с. 307]. Однако индивиды, проживающие на одной политической территории, в принципе не могут представлять собой гомогенное единство. Кроме того, активное миграционное переселение, начавшееся в первой половине XX в. и продолжающееся до последнего времени, дополнительно усиливает социальную неоднородность в пределах каждой государственной единицы. Таким образом, стратегия мультикультурализма была предложена как возможный путь выхода из объективно сложившейся ситуации. Условия мультикультурного общества допускают существование в одном государстве множества принципиально отличных друг от друга социальных групп.

Тем не менее в последние несколько лет, главным образом в среде политических деятелей, все шире распространяется мнение о том, что политика мультикультурализма «потерпела поражение». Так, в 2010 г. его высказала канцлер ФРГ А. Меркель, а в 2011 г. похожее заявление прозвучало в речи Н. Саркози, в то время Президента Французской Республики [2; 3; 4; 5]. Данные высказывания повлекли за собой ряд политических дебатов и общественных споров.

С того времени дискуссии на эту тему не только не утихают, но периодически разгораются с новой силой. В их свете нам представляется важным поиск ответов на вопросы о том, как сложившийся дискурс интерпретирует стратегию мультикультурализма, что подразумевается под его «поражением» и, наконец, что должно прийти ему на смену.

Может создаться обманчивое впечатление, будто ответ на последний вопрос очевиден: полноценная альтернатива мультикультурализму — это монокультурализм. В данном случае показательный пример представляет так называемая программа *Семи пунктов*, которую в 2010 г. предложил немецкий христианский демократ Х. Зеэхофер. В ней разъяснялось, каким образом, учитывая «смерть» мультикультурализма, необходимо строить внутреннюю политику

по отношению к тем, кто «отказывается от интеграции» (*Integrationsverweigerer*). В контексте заявления Х. Зеэхофера о «главенстве немецкой культуры» особенный интерес представляет первый пункт его программы, где дается определение: немецкая культура — это специфическая культура, «которая создана христианско-иудейскими корнями, христианством, гуманизмом и Просвещением» [6].

Здесь сразу можно заметить ряд логических ошибок. Во-первых, значение неизвестного понятия раскрывается через другое неизвестное понятие, поскольку не вполне очевидно, что подразумевается под «христианско-иудейскими корнями». Во-вторых, неясно, с какой целью после упоминания об этих корнях вновь отдельно отмечается христианство. В-третьих, определение слишком широкое, так как Германия — далеко не единственная страна, способная идентифицировать свою культуру через ценности гуманизма и эпохи Просвещения (в том же ряду стоят, например, Франция, Великобритания, Россия, США и мн. др.).

В рамках программы *Семи пунктов* «немецкая культура» рассматривается исключительно в качестве абстрактного конструкта, назначение которого — служить антитезой стратегии мультикультурализма. Авторы программы перевели термин «мультикультурализм» как «многокультурность» и противопоставили ему «монокультурность» в форме главенствующей роли «немецкой культуры». Эта цель, с точки зрения формальной логики, не достигнута. Невозможно обоснованно выявить дихотомизм двух явлений, не дав им четких определений. Но, как видим, понятие «немецкой культуры» предстает в тексте программы размытым, тогда как содержание понятия «мультикультурализм» совсем не определено. Закономерный вопрос о том, что такое «мультикультурализм» и как его определить, остается открытым.

Необходимо принять во внимание следующий аспект: когда понятие культуры используется в сфере политики, цель политического субъекта (речь здесь не только

о Х. Зеехофере) состоит не в том, чтобы непротиворечиво раскрыть содержание данного понятия. В политическом, общественном и даже научном дискурсе на протяжении долгих лет имеет место апелляция к так называемому *понятию культуры* (в немецкоязычной научной литературе — *Kulturbegriff*) [7, с. 18]. Это специфический общественный конструкт, репрезентирующий «культуру» как явление статичное и независимое от субъекта. При этом она детерминирована географической, религиозной и социальной средой и сохраняется даже в случае если «носитель» данной «культуры» меняет свое местоположение (например, путем миграции в другое государство) [8, с. 100]. В эпоху глобализации и информационного общества, когда миграционное движение не только приобрело колоссальные масштабы, но и удостоено пристального внимания средств массовой информации, понятие «культура» исполняет роль универсального аргумента. Любые события и трудности в социальной сфере можно рассматривать сквозь призму «культурных» особенностей и объяснять ими. Причем в их роли, как правило, будут выступать явные отличия во внешнем виде (такие как одежда, строго соответствующая религиозным предписаниям) или факт нарушения какой-либо правовой нормы (например, многоженство). Данные элементы будут истолкованы как «свойства» «родной культуры», которая в свою очередь будет применяться в качестве общей характеристики для всех индивидов, прибывших из одного географического ареала или имеющих хотя бы опосредованное к нему отношение [9, с. 8]. Так, индивид, родители которого — мигранты, будет считаться «мигрантом второго поколения», так как будет соотноситься в общественном дискурсе с «культурной идентичностью» своих родителей.

Именно на таком понимании «культуры» построена концепция интеграции мигрантов в социальную среду принимающей страны, действующая сегодня почти во всех государствах. Требование интеграции означает, что приезжий полностью или частично

откажется от «родной культуры», которая «свойственна» ему по бывшему месту пребывания, и переймет «культуру» принимающего государства [10, с. 44]. При этом в связи с отсутствием четких критериев установления границы между разными «культурами» остается неясным, в какой мере должна быть «отторгнута» «родная культура» и каким образом оценивается степень «встраивания» в «новую культуру». Если по каким-либо причинам степень «интегрированности» индивида или группы индивидов оценивается как неудовлетворительная, «культурализованные» объяснения выглядят наиболее удобными и «сами собой разумеющимися». Однако здесь интеграционная концепция наталкивается на существенное противоречие. С одной стороны, «культура» рассматривается в качестве неотъемлемого свойства индивида или группы индивидов, а значит, она неизменяема и определяет деятельность своего «носителя». Причем предполагается, что именно по «культурному» признаку приезжие индивиды и принимающее общество, взятое как единое целое, принципиально отличаются друг от друга. С другой стороны, «культура» принимающего общества играет роль ассимилирующей и интегрирующей модели, на которую следует ориентироваться [10, с. 44].

Концепция и стратегия мультикультурализма разрабатывались как своеобразный путь к примирению данного противоречия. Мультикультурализм, таким образом, предстает скорее как педагогическая программа, в которой этнические различия, ранее служившие причиной дискриминации, начинают акцентироваться в целях ведения диалога внутри общества [11]. Одновременно с этим допускаются некоторые коррективы для процесса интеграции, трудности которого также предполагается разрешить с помощью диалога.

В самом деле, в случае приобретения обществом свойства мультикультурности требование отказа от «родной» культуры существенно смягчается. Достаточно исключить лишь некоторые элементы «родной культуры», обозначенные как

«недопустимые» в «новой» «культурной» среде, и можно считать, что процесс интеграции прошел успешно. Однако при внимательном рассмотрении выясняется: концепция мультикультурности не только не устраняет двусмысленности понятия интеграции, но и создает дополнительные противоречия.

От стратегии мультикультурализма ожидается обеспечение диалога «между культурами» в целях построения взаимопонимания и мирного сосуществования в обществе. Но диалог предполагает две равноправные стороны. В случае если подразумевается множество «культур», неясно, кого считать сторонами диалога. Опыт ФРГ показывает, что «диалог» на протяжении долгого времени трактовался как взаимодействие «немецкого общества» с «мигрантами». Однако две стороны диалога выступают гомогенными единицами, каждая из которых имеет собственную позицию. Тогда как даже при использовании культурализованного понимания фигуры мигранта в качестве носителя четко детерминированной культурной традиции приходится признать существование множества миграционных потоков из самых разных и, соответственно, «культурно непохожих» географических ареалов [12, с. 32]. Получается, что все эти общественные группы искусственно объединяются под ярлыком «мигранты» исключительно на основе их противопоставления принимающему обществу. Одновременно само это общество может считаться гомогенным только при дуалистическом делении по принципу «местные — приезжие». Тем не менее гомогенизация, установление «контейнерных» рамок для общества-реципиента с учетом только принадлежности всех его членов к одному национальному государству при игнорировании их классовых, возрастных, гендерных или региональных отличий, позволяет создать концепцию единой национальной культуры, общей для всех «исконных» жителей данного государства.

Утверждая, что понятие культуры — социальный конструкт, мы не пытаемся доказать, что оно нереально. Важно то, что

любая дискурсивная конструкция реальна в той мере, в какой в нее верят и какое она имеет влияние на события в социальной, духовной и политической сферах жизни [10, с. 47]. В отношении культуры как общественного конструкта необходимо принимать в расчет то, какие факторы и условия привели к выстраиванию данного конструкта именно в таком, а не в ином виде. Следовательно, имеет значение, каким образом общественные отношения производят культуру и определяют ее границы. В качестве примеров в научной литературе приводят различные интеграционные и адаптационные социальные программы, декларируемая цель которых — «с учетом национальной культуры» помочь мигрантам со временем стать частью принимающего общества [7, с. 19]. Предварительным условием возможности выявлять и разрешать противоречия между двумя «культурами» выступает возникновение в социальном дискурсе конструкта «культурного барьера». Иными словами, должно сформироваться понимание того, что конкретно следует «преодолевать» или «устранять». Например, в Германии необходимым условием для интеграции служит экзамен на знание языка, обязательный для каждого индивида в статусе мигранта. В ходе экзамена претенденту на интеграцию в «немецкое общество» надлежит письменно и устно продемонстрировать владение стандартным плюрицентрическим немецким языком, *Hochdeutsch* [7, с. 19]. Его незнание трактуется как один из ключевых элементов «культурного барьера» между «мигрантами» и «местными». При этом игнорируется то обстоятельство, что далеко не все «коренные» жители используют в повседневной речи одобренную государством версию родного языка (это подтверждается существованием множества диалектов). Однако даже после успешной сдачи экзамена индивид продолжает носить общественный ярлык «мигранта». Отсюда возникает понятие так называемого *дефицита интеграции* — недостаточной степени интегрированности субъекта в общество:

из-за отсутствия фиксированных критериев граница, которую следует преодолеть мигранту для полноценной ассимиляции, перманентно отодвигается.

Таким образом, прослеживается тенденция к структурированию общества по признаку наличия внутри него нескольких параллельных, взаимно несовместимых «культур». При этом «культуры», ассоциирующиеся с разными мигрантскими группами, сосуществуют с «исконной» «культурой» местного населения. Однако подобная «многокультурность» не исключает главенства одной из них, а именно той, которая конструируется путем отмежевания от «чужих», «пришлых» и с которой отождествляют себя властные структуры государства (среди них политические и общественные институты, образовательные учреждения и СМИ).

Итак, стратегия мультикультурализма:

1) предполагает для мигранта возможность в течение определенного времени существовать в рамках «родной культуры» и не ассимилироваться в соответствии с моделью «местной культурной традиции»;

2) нисколько не нивелирует «культурные» отличия, но, напротив, дополнительно акцентирует на них внимание, делая их отличительными признаками общественных групп, которые должны существовать параллельно (причем «культура» выступает как неотъемлемое свойство определенной группы индивидов);

3) формирует восприятие мультикультуральности как признака принимающей страны с высоким процентом населения, имеющего мигрантские корни (т. е. в данном контексте многокультурность — явление, производимое исключительно «чужими»);

4) не исключает сохранения за «культурой» принимающего государства положения «главенствующей», универсальной модели для интеграции (несмотря на негласный характер этого статуса).

Так как понятие культуры, на котором строится концепция мультикультурализма, представляет собой продукт общественных взаимодействий, перманентно

подлежащий деконструированию и переработке, мультикультурализм не может в полной мере считаться стратегией, противоположной принципу примата «главенствующей культуры». Концепция мультикультуральности не только не отменяет требований интеграции и ассимиляции, но и дополнительно подчеркивает реальность «культурных» отличий и барьеров между социальными «контейнерами».

Литература / References

1. *Wimmer A., Glick Schiller N.* Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences // *Global Networks: A journal of transnational affairs*. 2002. Vol. 2. Issue 4. P. 301–334. DOI: 10.1111/1471-0374.00043
2. *Integration: Merkel erklärt Multikulti für gescheitert* // *Spiegel Online: [Web] / Spiegel Gruppe*. 16.10.2010. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/integration-merkel-erklaert-multikulti-fuer-gescheitert-a-723532.html> (Abrufdatum: 19.04.2018).
3. *Bouchard G.* Le rejet du multiculturalisme : un procès qui en cache un autre? // *Le Soleil : [Site web] / Groupe Capitales Médias*. 15.02.2011. URL: <https://www.lesoleil.com/opinions/point-de-vue/le-rejet-du-multiculturalisme-e-un-proces-qui-en-cache-un-autre-82458c965a251affdb2036a76cfc5f9> (visité: 19.04.2018).
4. *Malik K.* The failure of multiculturalism: community versus society in Europe // *Foreign Affairs*. 2015. Vol. 94. No. 2. P. 21–32.
5. *Parent I.* La Hollande vient de rejeter le multiculturalisme : Les immigrants devront s'intégrer, au risque de s'exposer à des mesures coercitives // *Vigile Québec : [Site web]*. 14.02.2013. URL: <https://vigile.quebec/articles/la-hollande-vient-de-rejeter-le-multiculturalisme> (visité: 19.04.2018).
6. *Seehofer legt im Integrationsstreit nach* // *Zeit online: [Web] / ZEIT ONLINE GmbH*. 16.10.2010. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2010-10/seehofer-sieben-punkte-plan> (Abrufdatum: 31.05.2018).
7. *Europa und seine Fremden — Migration, Integration und die Gestaltung kultureller Vielfalt* / A. Thiel, A. Walther, K. Seiberth, R. Johler // *Europa und seine Fremden: die Gestaltung kultureller Vielfalt als Herausforderung* / Hrsg. von: R. Johler, A. Thiel, J. Schmid, R. Treptow. Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. S. 13–25.
8. *Dahinden J.* „Kultur“ als Form symbolischer Gewalt: Grenzziehungsprozesse im Kontext von Migration am Beispiel der Schweiz // *Kultur, Gesellschaft, Migration: Die reflexive Wende in der Migrationsforschung* / Hrsg. von: B. Nieswand, H. Drotbohm. Wiesbaden: Springer VS, 2014. S. 97–121.
9. *Das Kulturelle an Konflikten in den Blick nehmen* / W. Berger, B. Hipfel, K. Merlitsch, V. Ratković // *Kulturelle Dimensionen von Konflikten: Gewaltverhältnisse im Spannungsfeld von Geschlecht, Klasse und Ethnizität* / Hrsg. von: W. Berger, B. Hipfel, K. Merlitsch, V. Ratković. Bielefeld: Transcript Verlag, 2010. S. 7–11.

10. **Sökefeld M.** Zum Paradigma kultureller Differenz // Europa und seine Fremden: die Gestaltung kultureller Vielfalt als Herausforderung / Hrsg. von: R. Johler, A. Thiel, J. Schmid, R. Treptow. Bielefeld: Transcript Verlag, 2015. S. 41–57.

11. **Radtke F.-O.** Zur Konstruktion des Fremden im Diskurs des Multikulturalismus // Das Eigene und das Fremde: Neuer Rassismus in der Alten Welt? / Hrsg. von U. Bielefeld. Hamburg: Junius, 1991. S. 79–96.

12. **Spielhaus R.** Religion und Identität: vom deutschen Versuch, „Ausländer“ zu „Muslimen“ zu machen // Internationale Politik. 2006. No. 3: März. S. 28–37.

Поступила 07.05.2018

Клепикова Любовь Владимировна — аспирант кафедры «Философия, социология и история» Российского университета транспорта (МИИТ) (127994, ГСП-4, Москва, ул. Образцова, д. 9), sevell1@rambler.ru

Климов Сергей Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Философия, социология и история» Российского университета транспорта (МИИТ) (127994, ГСП-4, Москва, ул. Образцова, д. 9), klisn@mail.ru

Submitted 07.05.2018

Klepikova Liubov V., Postgraduate student of “Philosophy, sociology and history” chair, Russian University of Transport (MIIT) (15, Obraztsova Street, GSP-4, Moscow, 127994, Russia), sevell1@rambler.ru

Klimov Sergei N., Doctor of Philosophy, professor of “Philosophy, sociology and history” chair, Russian University of Transport (MIIT) (15, Obraztsova Street, GSP-4, Moscow, 127994, Russia), klisn@mail.ru